

Наталья Лагота

Поцелуй-трав
и Бедовая Голова
летопись II

Поцелуй-травы и бедовая голова

Наталья Лакота

Поцелуй-травы и бедовая голова-2

«Автор»

2026

Лакота Н.

Поцелуй-травы и бедовая голова-2 / Н. Лакота — «Автор»,
2026 — (Поцелуй-травы и бедовая голова)

Продолжение приключений княжны Златы-Златогорки, княжича Драгомира и харизматичного кота Одихунтьевича. Бедовая троица отправляется бороться со злом. Хватит прятаться! Победим злых ведьм! Мия-я-яу-у-у!

© Лакота Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Наталья Лакота

Поцелуй-травы и бедовая голова-2

Глава 1

В путь мы отправились на рассвете, Кош Невмертич пообещал хорошую погоду и никакого дождя.

– С водой осторожно! – предупредила я Драгомира и Одихунтьевича, когда занималась превращением. – Попадёт в лицо или на голову – чары тут же рассеются. Даже когда пьёте – осторожнее. А то некоторые любят мордой в миску залезть...

И хотя не было названо, кто это любит, кот сразу разорался.

– Вот как это низко – упрекать внешним видом! – возмутился он, тараща глаза. – У вас, людей, между прочим, ещё больше недостатков! Некоторые в кустах всегда подветренную сторону ищут!

– Примолкни, – посоветовала я ему, и он обиженно замолчал.

– Опять что-то сбредал про меня? – нахмурился Драгомир.

Он хоть и не понимал кошачьих слов, но кошачье настроение распознавать уже научился.

– Да подтрюхивает немного Одихуня, – отмахнулась я, наводя чары на себя.

– Волнуется, видно, котейка, – сказал Кош Невмертич, поглядев на Одихунтьевича, отчего кот предпочёл перебежать поближе ко мне.

Он прижался к моей ноге и заворчал – уже негромко. Можно было принять его ворчанье за мурлыканье.

– Не заволнуешься тут, – бурчал он, пока я окропила себе голову водой и прошептала заветные слова. – Тут любой трюхнет! К ведьмам ташут, в падаль превратили...

– Да не в падаль, – утешила я его, глядясь на себя, как в зеркало, в кадку с водой. – Хорош ты и такой. Очень милый старый драный котик получился.

Драгомир хмыкнул, и Одихунтьевич сразу позабыл прятаться.

– Вообще-то, драный – это не про то, что ободраный!.. – заорал он ещё громче. – Ты думай, что говоришь!.. Княжна, всё-таки! С образованием!..

– Пусть будет стыдно тому, кто поторопился услышать что-то плохое, – строго сказала я, и Драгомир сразу перестал ухмыляться, а кот сердито засопел, но заглох. – Вы оба – прекрасными старичками получились, – успокоила я их. – Один лучше другого.

И я тоже получилась хороша. А уж на Драгомира без содрогания и смотреть невозможно было – ветошь-старик, в чём только душа держится. Одно и осталось, что глаза и взгляд – как у сокола. Молодые. Зоркие. Такие не спрячешь. И меня в своё время глаза выдали...

– Занятная зверюшка, – Кош Невмертич подал Драгомиру дорожную сумку, где была припрятана на дне заветная каменная шкатулка, а сам смотрел на Одихунтьевича. – Коты, вроде, ласковые, а этот всё чем-то недоволен. Или это только кажется?

– Кажется, когда пузо маслом не мажется, – огрызнулся Одихунтьевич.

– Да он ласковый и добрый, – сказала я, незаметно, подпнув кота. – Сейчас вот песенку завёл. Про дальнюю дорожку, по которой не хаживали ножки. Затежник он у меня!

– И правда, затейник, – согласился Кош Невмертич. – Задержались бы вы, я бы с ним подружился.

– С чёртом лысым дружись! – тут же зашипел Одихунтьевич. – Ты меня когда осматривал, чуть не раздавил! Это что же такое, люди добрыя!.. Будто я курица ему какая! А он во мне будто золотые яйца искал!.. У меня яиц внутри нет! Они только...

– Ой, ну всё, – перебила я его вопли. – Пора. Присядем на дорожку.

Мы присели, помолчали, а потом Кош Невмертич вышел нас провожать.

В этот раз мы отправлялись в путь совсем по-другому. Была у нас и тёплая одежда, и корзинка с едой – мешочки с сухарями и крупой, головки лука, хороший кусок копчёного сала, медовые пряники. Зелени в похлёбку – крапивки, заячьей капусты или щавеля с сытником – можно будет по дороге нарвать. Чай заварить – опять же, ягоды и душистые травы везде растут, их с собой тащить не надо.

У Драгомира в пояс было зашито серебро, а у меня припрятан за пазухой кошелёк – две нычки лучше одной. Одихунтьевичу полагалось идти своим ходом, и он заранее ныл, что мне придётся нести корзину, а не его.

Кош Невмертич благословил нас, дал последние напутствия – в какую сторону идти, и как с пути не сбиться, и мы пошли.

Пока не скрылись за поворотом, я всё махала колдуну рукой. Он в ответ махал вышитым рушником. Примета такая – чтобы дорога была гладкой и ровной, как постланная скатерть.

Махал нам вслед и головой качал – то ли укоризненно, то ли удивлялся чему. А может, просто грустил, что гости уходят, и он снова остаётся один.

– Грустно-то как, – сказала я, когда мы углубились в лес и пошли по дороге между вековых дубов. – Спокойно у него, хороший человек...

– А мне он не понравился, – ответил Драгомир.

– Впервые с ним соглашусь, – поддакнул Одихунтьевич.

– Да почему он вам не нравится? – всплеснула я руками. – Ну ладно – кот. Обиделся, когда Кош Невмертич его на колдовство осматривал...

– Тебя бы вверх хвостом перевернули! – заверещал кот. – На животик бы давили! А я, между прочим, только плотно откушавши был...

– А тебе-то, княжич, он что плохого сделал? – не пожелала я сочувствовать Одихунтьевичу. – Кош Невмертич тебя накормил, напоил, баню затопил, в дорогу собрал...

Но Драгомир был неумолим:

– У него такие силы, а он остался в стороне. Мог бы с нами пойти, на подмогу. Он трус.

– Он не трус, – обиделась я за колдуна. – У него дом, пасека, он Задохлика моего принял! Да и просто Кош Невмертич мудрый! Не то что некоторые! Он говорит, что если не можешь изменить прошлое... – и я осеклась на полуслове, потому что одна мысль прилетела и ударила.

Крепко, как дятел клювом.

– Что замолчала? – напористо спросил Драгомир. – Ну да, жеребёнком прикрыться – это выход. Жеребёнка можно было в деревню пристроить...

– Я вдруг подумала, – перебила я его рассуждения. – Прошлые... Прошлые мы не изменим... Но от него всё идёт. Все беды для наших семейств началось, когда умерла бабка Любослава. Мы так хорошо жили – крепко, дружно. А сразу после смерти княгини Любославы и началась эта чертовщина. Может, в этом дело?

– В чём? В бабке? – мрачно фыркнул Драгомир.

– А почему нет? Она хотела поженить нас, чтобы ещё крепче связать наши кланы, – начала рассуждать я вслух, – она держала в мире все наши семьи. Вспомни – если кто-то с кем-то ссорился, сразу она приезжала. Говорила, мирила, а то праздник устроит, на праздниках ведь и зло быстрее забывается. А не стало её – и словно из сундука вылезло какое-то зло. Может, бабушка и держала зло в сундуке? Я читала об этом. У одной женщины в южном царстве был сундук со злом. Ей сказали не заглядывать туда, просто хранить, а она заглянула, и зло разлетелось по свету.

Драгомир задумался, а потом спросил:

– Думаешь, кто-то открыл сундук бабки Любославы? Она что – ведунья была?

– А что мы знаем о ней? – спросила я в ответ. – Она была самой красивой, пережила Большую Чуму, и своей свадьбой с княжичем Борживоем помирила клан Славниковичей и клан

Гнездовичей. Это уже о многом говорит. Жаль, я почти с ней не общалась. Мне было неинтересно... Но кто-то ещё может помнить бабушку... Не столько много времени прошло. Может, он нам что-то и расскажет?

– Куда ты опять лезешь, – простонал Одихунтьевич. – Будто нам двух ведьм не хватало, ты решила третью найти!

– Бабка Любослава жила с князем Борживоем в граде Литомире на реке Огреже, – сказала я Драгомиру, не обращая внимания на стенания кота.

– Это по дороге до Житеца, – задумчиво отозвался Драгомир.

– Совсем рядом! – подхватила я. – Давай-ка завернём туда и поспрашиваем о том да о сём.

– С ума сошла! – заверещал кот, дыбя шерсть.

– Град теперь под рукой княжны Златы-Златогорки, – напомнил княжич, тоже не слушая кошачьи вопли. – То есть под рукой ведьмы.

– Так ведьма-то в Житеце, – я усмехнулась и половчее перехватила корзинку. – Она и думать не сможет, что мы в Литомир пошли.

– Про Литомир она точно не догадается, – признал мою правоту Драгомир. – Давай заглянем туда. Может, и правда, визнаем что-то.

– И второй спятил! – Одихунтьевич перешёл на оскорбления, где склонял и меня, и Драгомира на разные лады.

Я делала вид, что ничего особенного не происходит, но Драгомир через пятьдесят шагов не выдержал.

– Хвост оторву, – пообещал он коту, и тот сразу заткнулся.

Но злющим взглядом смотреть не перестал.

Впрочем, и в Литомир пошёл вместе с нами. Как миленький пошёл.

В Литомире я никогда не бывала, но Драгомир сказал, что заезжал по отцовским делам пару раз.

Нас пропустили в город за денежку, никого мы – пара стариков с облезлым котом – не заинтересовали, и нам даже указали на самый дешёвый постоялый двор, сразу у ворот.

Гостиница была полная, хотя и не такая богатая, как в Орешку, откуда я еле унесла ноги. Постояльцы сидели за столами, у стен и даже на завалинке снаружи, и требовали пива, мёда, мяса и крутой каши с огурцами. Задёрганный хозяин поселил нас в крохотной комнатке на втором этаже, где было только такое же крохотное окошечко и кровать с тощим матрасом.

Одихунтьевич сразу забрался на матрас, но Драгомир турнул кота, уступая мне место.

– Я в овчиннике переночую, – сказал он. – Заодно порасспрошу тут...

– Потом будешь в овчиннике ночевать, – сказала я, немного обидевшись.

То я ему невеста, то в овчинник сбежать готов...

– Одихуся, сторожишь наши вещи, – велела я коту, – а мы порасспросим.

– Я?! Сторожить? – опять полез в кринку кот. – Я тебе собака, что ли?

– За вещи отвечаешь головой, – взяв Драгомира за руку, я пошла вон из комнаты, и уже за порогом пожаловалась: – Раньше он такой не был.

– Палка по нему плачет, – проворчал княжич.

– А я слышу, между прочим! – долетело до меня сердитое мяуканье.

Но мы с Драгомиром уже спускались по лестнице в общий зал.

На двух стариков никто даже не оглянулся, мы сели на лавке в уголке и попросили хлеба и яичницы.

Запыхавшаяся служанка принесла нам по три яйца, жареных с салом и луком, по ломтю серого хлеба и по кружке молока.

Мы с Драгомиром ели и сначала помалкивали, поглядывая по сторонам и прислушиваясь. Судя по разговорам, были здесь не только гости, но и местные бездельники, просаживавшие деньги на пиво и игру в кости.

Болтали обо всём – и об урожае, и о соседях, и о соседних городах и о заморских странах.

Когда заговорили о стольном граде, Драгомир подёргал себя за колдовскую бороду и спросил, кто сейчас наместник в Литомире.

– Да, тиун из Житеца, княжна прислала, – ответили ему, небрежно взмахнув рукой. – Хороший человек. Ни во что не вмешивается – только деньги тащи. Репоедом зовут. Репу пареную очень любит. Только и её и жрёт.

– Правда, со свининкой, – добавил кто-то пьяным голосом, и его поддержали дружным смехом.

– А челядь так и служит в князем тереме? – полюбопытствовал Драгомир. – У меня там раньше внучок служил, на посылках. Ещё при прежних князе и княгине.

– И! Вспомнил, старикан! – сказал вальяжно один из постояльцев, отпивая из огромной глиняной кружки. – Вся челядь в тереме теперь новая. С тиуном из стольного града приехала. А прежних всех повыгнали. Кого на пасеку поставили, пчёл гонять, кого пахать отправили. Девочек всех лён мочить-сучить... А ведь люди-то были боярских родов, к тяжёлой работе не приучены, многих и уважали... Вот ведь как жизнь-то складывается. Вчера в золоте ходил, с серебра ел, в красной шапке суд вершил, а сегодня навоз возит.

– Ой-ё-ёй! – жалостливо протянула я, вступая в разговор. – А кому хуже всех пришлось? Из прежних-то?

– Да всем несладко, – ответили мне. – Но в портомойне работает бывшая ключница князя. Уважаемая женщина была. Хотя и крута нравом, а уважаемая. Никого не боялась, никому поблажек не делала. Баба – крут-кипяток. Ей, конечно, совсем обидно. Она бы и на пасеку с радостью уехала, а так – позор у всех на виду.

– Какой же позор в честном труде? – удивился Драгомир.

– Эх, борода! – мужик с кружкой отёр рот ладонью. – Ничего ты не понимаешь. Так-то всё, дед, да не так. Хорошие люди бы поняли и не обидели, только и дурных людей, и глупых много. Кто-то пожалел, кто-то посмеялся, а кто и помыкать начал. Нарочно бельё в нечистотах извозят и Мелентьевне приносят – стирай, мол.

– А она что? – спросила я.

– А что она? Поручили – стирает.

– Жалованье ей княжна назначила – смех сказать, – добавил другой мужик, что сидел со шкаликом и сухой рыбкой вприкуску. – Двенадцать медяков в год! Даже на хлеб не хватит. Тем и живёт, что добрые люди пропасть не дают, милостыню подают.

Мы с Драгомиром переглянулись.

– Туда и наведемся, – шепнула я ему. – Ключницы обычно такое знают, о чём и сами хозяева не догадываются.

В портомойню мы решили идти без Одихунтьевича. Облезлый кот точно никому доброго отношения не добавит. Если ещё и орать будет без остановки, жалуясь на жизнь. А нам нужен был спокойный, доверительный разговор.

До места мы добрались без приключений, а там я слезливо наврала хозяйке, что пришла издалека, к своей сестрёнке, единственной родне – Алефтине, свет-Мелентьевне. Хозяйка расстрогалась и пообещала позвать бывшую княжескую ключницу, а теперь простую прачку.

Вернулась хозяйка очень скоро, и от её благодушия не осталось и следа.

– Мелентьевна сказала передать, – объявила хозяйка, нахмурив соболиные брови, – что никакой сестры у неё отродясь не было, и разговаривать с обманщиками она не желает. Проваливайте, пока я городскую стражу не позвала!

– Баба точно – крут-кипяток, – шепнул мне Драгомир. – Лучше уйдём.

– Подожди, – ответила я ему шёпотом, а потом поклонилась хозяйке портомойни низко и со смирением, и самым просительным голосом сказала: – Сударыня моя, не гневайтесь. Поссо-рились мы с сестрёнкой давным-давно, вот она и люет. Вы скажите ей, Алефтине, свет-Мелентьевне, что хоть и ткнула я в спицы её прялки неправед-несправедом и сломала, но вот теперь муж мой говорит, что можно прялку починить при помощи стамески-отместки. Пусть не сердится на меня, вспомнит бывшее славное времечко, выйдет и поговорит со мной, бедо-лажкой.

Хозяйка колебалась, но я так упрашивала и так жалостливо вздыхала, что она сдалась и отправилась к Мелентьевне во второй раз.

– Это где же княжон так врать учат? – шёпотом спросил у меня Драгомир.

– Жизнь научит, ещё не тому научишься, – сердито ответила я.

– А что за ерунду ты несла? – полюбопытствовал он. – Что за стамески-отместки? Какая-такая прялка? Ты, часом, вместе с бабкиной внешностью умом по-старчески не тронулась?

– Главное, ты не тронься, – посоветовала я ему. – Если ничего не понимаешь, в сторонке постой молча. За умного дедушку сойдёшь.

Продолжить разговор мы не успели, потому что появилась хозяйка, а за ней шла высокая худошавая женщина, по возрасту – ещё чуть-чуть и старуха, но назвать её старухой язык не поворачивался. Крут-кипяток – это ей подходило от макушки до кончиков кожаных лаптей, надетых на босу ногу.

На ходу вытирая мокрые руки об передник, крут-кипяток Алефтина Мелентьевна оки-нула нас с Драгомиром цепким взглядом, и лицо у неё сделалось таким, что ещё немного и полыхнёт.

Я не стала ждать, когда полыхнёт, и бросилась прачке на шею, причитая и не умолкая ни на мгновение.

– Сестрица моя родимая! – тараторила я без остановки. – Как же я рада, что тебя нашла! Не огневайся! Не отталкивай! В память о том, что было хорошего, забудь, что было плохое! Не та заря-заряница, что над княжым теремом восходит, а та заря-заряница, что над родитель-ским домом золотится! Шла я к тебе долго, ножки все поистерла! А вокруг ночь ночи темней! Вороны кружат! Всякая собака куснуть норовит!..

Бывшая ключница, смотревшая на меня с раздражением, вдруг распахнула глаза и пре-кратила вырываться из моих старческих объятий.

– А, это ты? – сказала она ворчливо. – Я тебя сразу и не признала. Только сюда ты зря заявила. Работать мешаешь. Иди ко не домой, вечером поговорим. Про сломанную прялку. Дом мой на окраине, возле старой яблони, где на ставнях русалки. Одна там живу, собак нет, никто не куснёт.

– Спасибо тебе, сестрица, что признала и простила! – я от души расцеловала её в щёки. – Новую прялку сработаем! Лучше старой крутить станет!

– Ладно, иди, – Алефтина Мелентьевна слегка подтолкнула меня к выходу со двора пор-томойни. – Да мужу скажи, чтобы поскромнее себя вёл. Не деревня тут. Глаза долу надо дер-жать.

– Конечно, скажу, сестрица родная, драгоценная! – заверила я.

Отпустила шею бывшей ключницы, привстала на цыпочки, вlepила долговязому Драго-миру подзатыльник и строго приказала:

– В землю смотри, простофиля! Не дома, чай. Не на завалинке сидеть и пялиться!

Вид у княжича был такой, словно его богатырский конь лягнул. Со двора мы вышли молча, но за первым же поворотом, когда вышла в тихий переулочек, Драгомир на меня напу-стил.

– Это что такое было?! – зашипел он и совсем не по-стариковски схватил меня за руку, разворачивая к себе. – Ты с ума не сошла ли?

– Это ты у нас в ум не пришёл, – я легонько постучала указательным пальцем ему по морщинистому лбу. – Глаза держи долу. А то лицом ты старик, а очи-то молодецкие. Ключница сразу это заметила, вот и велела тебе не тарашиться. А про остальное – неужели не понял? Прялка сломанная неправед-несправедом – это прежняя жизнь, поломанная ведьмами, захватившими княжеский престол. Стамеска-отмеска, при помощи которой всё можно починить – это я сказала, что можно всё исправить. Ну а когда Алефтина вышла, я почти прямо ей сказала, что заря-заряница, что в тереме – это не настоящая княжна Злата-Златогорка. Алефтина поняла и согласилась поговорить. Пойдём к ней домой, на окраину, туда, где русалки на ставнях...

– А там нас будут ждать стражники с ведьмищами и плёткой-обороткой, – подхватил Драгомир.

– Может, и будут, – согласилась я, помявшись. – Но Алефтина ведь сказала, что одна живёт и собак у неё нет. Я так думаю, это она намекнула, что нам не надо бояться оборотней и предательства. Попробуем поверить? Найдём сейчас её дом, осмотримся, а когда на разговор пойдём, то Одихусю сторожить оставим. Если что – он предупредит.

– Как у тебя всё просто, – огрызнулся Драгомир, отворачиваясь и скрестив на груди руки. – Как в горелки играть. Или загадки угадывать.

– Разозлился, что две женщины хитрее тебя оказались? – догадалась я, обойдя его и заглядывая ему в лицо. – Не злись, богатырь. Хитрость – она на то и женского рода, чтобы ею женщины владели. Зато ум – он рода мужского. Умный хитрого не разумеет, так говорят.

– А ты в лисицу не оборачиваешься? – спросил Драгомир, когда мы уже отправились на окраину, искать дом Алефтины. – Некоторые в волков могут, а ты, например, в лису. И рыжая, и хитрая, и хвостом заметаешь.

– Сейчас я тебя с кем-нибудь сравнивать начну, – пообещала я, ничуть не обижевшись, потому что понятно было, что он не со зла, а в шутку, и тут же сочинила присказку: – Крутой рог, твёрдый лоб, упрямства – мешок, вот такой у меня женишок...

Драгомир нарочито грозно повёл глазами в мою сторону, и я тут же добавила:

– Буй-тур, конечно же. Царь лесной. А ты про барана подумал? Вот и не угадал.

Глава 2

Двое стариков под плетнем, за огородами – это было то ещё зрелище. Хорошо, что нас никто не видел. Мы спрятались в зарослях лопуха и крапивы, но всё равно мимо нас никто не прошёл. На окраине было совсем пусто.

Одихунтьевич пошнырял между домами и во дворах, вернулся и доложил, что какая-то старуха зашла в нужный дом, и что на всей улице кроме кошек никого.

– Вот видишь, – сказала я Драгомиру, стараясь выглядеть уверенно. – Не предаст Алефтина. Баба крут-кипяток коромыслом отходить может, а предать – точно нет.

– Может и так, – с сомнением покачал головой Драгомир. – Но я бы сначала птичек в клетку заманил, а потом бы дверцу захлопнул. На улице мы ещё сбежать сможем, а вот из дому...

– Сиди тогда здесь, – сказала я, почёсывая ожаленный крапивой локоть. – В засаде. Как крапивник. А я схожу, поговорю с ней.

Драгомир упрямо выставил козью бороду, и сразу стало понятно, что одну он меня в любом случае не отпустит.

И хотя разделить было бы умнее, в душе я с облегчением вздохнула. Всё равно мне было спокойнее рядом с ним. Ну и то сердце грело, что если я решила, что иду с женихом и в огонь и в полынью, то и Драгомир решил то же самое. Вот закончится всё... Как поцелую его. Крепко-крепко. Можно было и сейчас поцеловать, но Одихунтьевич таращился злыми глазами. При нём как-то неловко было.

Драгомир половчее передвинул на плече котомку с драгоценной шкатулкой, и мы отправились к дому, на ставнях которого красовались вырезанные русалки-берегини.

Взойдя по шатки ступенькам, я стукнула в дверь, и она сразу же открылась.

Бывшая ключница окинула быстрым взглядом меня и Драгомира, глянула на улицу, а потом кивнула, разрешая войти.

– Мы от княжны Златы-Златогорки, – сказала я сразу с порога, пока Алефтина запирала дверь на засов. – От настоящей княжны. Та, что в тереме в Житеце сидит – ведьма-оборотничиха! Она с матерью власть захватили, род Славника уничтожили...

– Прямо-таки от княжны? – перебила меня Алефтина. – Или сама княжна ко мне в гости пожаловала?

Я почувствовала, как за моей спиной напрягся Драгомир. Ещё мгновение – и кинется в драку, или схватит меня в охапку – и бежать. Поэтому я удержала его за рукав и рассмеялась напоказ.

– Что ты такое говоришь, Алефтина Мелентьевна? – сказала я, покачав головой. – Княжна умна, она прячется в пуще беловежской, в пучине морской, на вершинах гор-самокрутых. Меня послала, чтобы я вызнала для неё, что да как в нашем царстве-государстве делается. Все ли поверили в подмену, есть ли люди верные. Ты ведь княгине Любославе служила, она тебя высоко ставила, уважала...

– Служила я княгине, твоя правда, – снова перебила меня бывшая ключница. – Тридцать лет ей служила и ещё пять лет. Конечно, я не то что Большую Чуму не застала, но свадьбу княгини Любославы с князем Борживоем не видела, потому что не родилась ещё, но что знаю – то знаю. Были у княгини золотые косы, которые она прятала под замужний убрус, а вот глаза и замужние женщины не прячут. Поэтому я тебя сразу по глазам узнала. У княгини такие же были – зелёные, как у всех Гнездовичей. Так что не надо мне врать, княжна. Ты и есть Злата-Златогорка.

– Мало ли у кого на этом свете зелёные глаза, – произнесла я уже не так уверенно, как раньше.

– Мало ли, – согласилась Алефтина. – Но и зелень бывает разная. В глазах у Гнездовичей всегда был лес, а у Дреговичей – болото. Хотя и у тех и у других глаза были зелёными.

– Какие такие Дреговичи? – прорезался наконец голос у Драгомира.

– Тебе, дедушка, столько лет, а про Дреговичей не слышал? – усмехнулась бывшая ключница.

– Не играй с нами, – попросила я. – Сама же знаешь, что никакой он не дедушка. Расскажи, что тебе известно про бабушку Любославу, и при чём тут Дреговичи? Кто они? Никогда про них не слышала.

– Эх, молодёжь, – усмехнулась Алефтина уже не насмешливо, а грустно. – Ждать не умеете. Всё бы вам с наскоку, да быстро. А как у нас говорят? Поспешись – людей насмешись. Хорошо, если только насмешись, а не головы лишишься. Проходите к столу, яичницу я испекла. Голодные, поди?

Яичница с луком и укропом была такой вкусной, что язык впору было проглотить.

Мы с Драгомиром сидели за покосившимся столом и ели так, что за ушами трещало.

Алефтина сидела напротив, подперев рукой щёку, и смотрела на нас с ласковым сожалением. Когда мы всё съели до последнего кусочка, бывшая ключница спросила у меня:

– Помнишь ли историю временных лет? Как она начиналась?

– Конечно, помню, – я даже плечом дёрнула. – Наизусть, каждое словечко, – и начала нараспев: – Было в наших землях много родов и семейств, и все они враждовали между собой. А за великокняжеский престол боролись Гнездовичи и Славниковичи, и каждое семейство не хотело уступать. Много крови было пролито, и тогда небеса для усмирения злобы и гордыни наслали на людей Большую Чуму. Многие умерли, оставшиеся в живых задумались – для чего проливают они братскую кровь? Тогда князь из рода Славниковичей и князь из рода Гнездовичей решили забыть былое и породниться, чтобы никогда больше кровь не обагряла нашу землю. Так княжна Любослава Премысловна из Гнездовичей стала женой княжича Борживоя Славниковича, и наступил мир...

– Так, да не так, – прервала меня Алефтина. – Сейчас уже мало кто из стариков помнит, а молодёжь так и вовсе не знала, что до Большой Чумы за великокняжеский престол боролись не два рода, а три. Гнездовичи, Славниковичи и Дреговичи. Гнездовичи сидели в Житеце у реки Нисы, и держали пятнадцать городов и двадцать пять градов по границе, Славниковичи сидели в Дудлебе, что на реке Мже, и держали пять городов и десять градов, а Дреговичам принадлежали эти земли. Сидели Дреговичи в Литомире, на реке Огреже, и держали три города и три пограничных града. Говорили, что дреговичами их прозвали оттого, что прежде чем сюда прийти род их возле болота жил. Но сами они говорили, что произошли от князя-волхва Дрега, отсюда и прозвание. Хвастались, что князь Дрег мог оборачиваться волком порыскающим, поэтому и они лютые, как волки.

– Куда же они делись, эти лютые? Почему про них не слышно? – я не понимала, какое отношение какие-то Дреговичи имеют к нам.

– После Большой Чумы о многих не стало слышно, – сказала Алефтина и продолжала: – Во время Большой Чумы умерли князь Равич, правивший Литомиром, его жена, сыновья и дочери. Остался только один сын, княжич Наримунт. Ему было шестнадцать лет, он принял на себя княжеское правление, а после того, как чума ушла, посватался к княжне Любославе из Гнездовичей. Она была самой красивой, но не потому к ней многие сватались. Волхвы на Рюгене сказали, что тот род, который примет к себе княжну из Гнездовичей, станет самым плодовитым, богатым и знатным. Чума унесла многих, поэтому каждая семья мечтала назвать Любославу невесткой. Самыми славными и родовитыми были Наримунт, сын князя Равича, и Борживой, сын князя Славника. Любослава выбрала Борживоя. А про княжича Наримунта сказала: «Нейду за него, потому что телом тучен, умом не могучен, нравом дурён, совестью обделён».

– Не показался, значит, жених, – заметил Драгомир.

Я пихнула его локтём в бок, чтобы помалкивал и не мешал слушать.

– После свадьбы Любославы и Борживоя княжич Наримунт вернулся домой, – говорила тем временем Алефтина, – и словно с ума сошёл. Начал воровать девушек и женщин, был жесток без меры и мстил без удержу, так что его прозвали Второй Чумой. Он хотел, чтобы родилось много сыновей, но детей не было, и от этого Наримунт лютовал всё сильнее. Через четыре года народ не выдержал, взбунтовался, Наримунта схватили и посадили в поруб, чтобы судить за преступления и лишить княжеской шапки, но Наримунт сбежал. Никто его больше не видел и никто о нём больше не слышал. А бояре Литомира послали гонцов к князю Мсти-славу из Гнездовичей и попросили взять их под защиту. Так Литомир и окрестные земли стали принадлежать Гнездовичам, и князь подарил Литомир своей старшей сестре Любославе, она и приехала сюда править с князем Борживоем.

Алефтина замолчала, и мы с Драгомиром тоже молчали, обдумывая то, что услышали.

– Ну, теперь всё более-менее ясно, – сказала я и прихлопнула по коленям.

– Что ясно? – спросил Драгомир.

– Равка и Буга – из Дреговичей, – объяснила я. – Допустим, Равка – дочь, Буга – внучка. Поэтому они и в волков обращаются. Есть у них кто-то третий. Может, брат Равки или её сын. Они нам мстят, Драгомир. Твоему роду и моему роду. Мы забрали их земли, вы забрали у Наримунта желанную девушку. Взамен они забрали наших родных и наши земли. Вот так-то.

У Алефтины мы просидели до глухой ночи, расспрашивая о Наримунте, строя планы и... вдосталь уплетая вкусную яичницу. Про Одихунтьевича мы совсем позабыли, и когда распрощались с бывшей ключницей и вышли на крыльцо, то первое, что я увидела – злющие зелёные глаза, горевшие из лопухов.

– Трудное дело вы затеяли, – хмуро сказала нам на прощание Алефтина. – Едва ли кто-то из бояр вас поддержит, даже если поверит, что в Житеце ненастоящая княжна, за вами не пойдёт. Все помнят, что случилось со Славниковичами. Никто такого своей семье не пожелает. Так что рассчитывать вам только на себя. Лишь двое вас и остались.

Я не ждала радостной встречи и не ждала сердечных проводов, поэтому чуть растерялась, когда «крут-кипяток» крепко обняла меня на прощание.

– Всё обязательно будет, как раньше, – сказала я внезапным порывом. – Справимся мы с лютой ведьмой, и с приспешниками её справимся.

– Эх ты, голова бедовая, – вздохнула Алефтина и благословила сначала меня, потом Драгомира.

Когда мы вышли на улицу и пошли к гостевому двору, Драгомир, до этого мрачно молчавший, сказал:

– Боятся. Из-за Славников боятся против ведьмы слово сказать. Трус на трусе и трусом погоняет!

– Не суди их слишком строго, – ответила я, задумчиво, раздумывая о Наимунте, о Равке, о волчьем оборотничестве. – Тут и князья растерялись, куда уж боярам, да простым людям страшно. Я тоже испугалась. Каждый испугается ведьмы, которая тебя загрызть может.

– Я бы тебя тоже загрыз! – рявкнул Одихунтьевич, догоняя нас в темноте. – Бросила меня! Одного! Мияяю! А сама там яичницу лопала! С салом! А я тут голо-о-одный!

– А ты откуда знаешь? Что с салом? – смущённо поинтересовалась я.

Нехорошо получилось. Надо было и кота покормить. Хотя, смешно кормить кота яичницей. Мышей будто ему не хватает.

– Откуда знаю?! – взъярился он. – Да от вас с обломом этим за версту несёт салом!

– Что орёт? – мрачно спросил Драгомир.

– Хвост прищемил, – ответила я ровно. – Поорёт да утихнет.

– Ага! Жди! – окрылся кот.

Но замолчал и затрусил перед нами по дороге, задрав хвост и демонстрируя во всей красе кружок белой шерсти под хвостом.

– Ты смотри, зараза какая, – сказал Драгомир, размеренно шагая. – Зад нам кажется. Так и напрашивается, чтобы пнули.

– Только попробуй! – зло огрызнулся кот, но хвост благоразумно приспустил и сдал в сторону, за меня.

– Не обижай котейку, – попросила я Драгомира. – Давай лучше все силы против ведьмы направим. А в этом деле Одихуся нам здорово поможет. Правда ведь, котик?

Котик обляял меня крепко и слегка матерно, досталось и Драгомиру, но я сделала вид, что ничего не услышала.

Переночевав, на следующий день мы потолкались в Литомире ещё, отыскивая недовольных правлением княжны. Но больше, чем рассказала нам Алефтина, не узнали. Даже столько, сколько она рассказала, не узнали.

Про Наримунта мало кто слышал, ещё меньше – кто помнил, зато Злату-Златогорку знали все и боялись произносить её имя слишком громко. Ещё и оглядывались при этом, словно она могла вылезти из мышиной норы.

Бывшая ключница была права. В этом деле мы могли рассчитывать лишь на самих себя. А нас было не так уж и много. Я да Драгомир. Ну и кот. Даже подумать смешно, не то что сказать.

На четвёртый день мы добрались до стольного града Житеца.

У меня ёкнуло сердце, когда я увидела знакомые белостенные палаты. Разглядела даже окошечко в башне, где прежде была моя горница.

Слёзы сразу навернулись на глаза, но Драгомир нашёл мою руку, сжал, и я только шмыгнула носом, но плакать не стала. Не время плакать. Время дело делать.

В город нас пропустили после долгих переговоров.

Увидев шкатулку, городская стража позвала за начальником. Начальник пожелал посмотреть, что внутри шкатулки, и Драгомир на несколько мгновений приоткрыл крышку. Но и этого хватило, чтобы у начальника стражи загорелись глаза. Он тут же и очень любезно предложил помочь нам – двум слабым старикам, и пообещал самолично передать наше прошение княжне. С подношением, разумеется.

Разумеется, шкатулку мы ему не отдали.

– Ты вот что, сынок, – сказала я грозно. – Ты когда хитрить научился, я уже пятого дитёнка родила. Так что не заматай тут хвостом, а веди нас прямо ко княгине! Иначе я тут так голосить буду, что не только княгиня, но звёзды небесные услышат. А когда княгиня услышит и узнает, то и княжна узнает...

– Да ты совсем спятила, бабка! – закричал главный стражник сердито и испуганно. – Ты меня вором, что ли, обозвала?! Да как посмела? Да я тебя в поруб! В тюрьму!

Драгомир без слов выступил вперёд, глянув с высоты богатырского роста, и даже перед стариком стражник попятился.

Прибежал кто-то из слуг боярина, отвечавшего за безопасность ворот, потом явился сам боярин, потом подтянулись путные-опочивальные, думные, княжеские, и, в конце концов, нас проводили в княжий терем. Вернее, оставили во дворе под охраной, дожидаться решения правительницы.

Ждали мы совсем недолго, и вскоре явился статный седоусый боярин, назвавшийся Микитой Водовиком, и доложил, что княгиня Равка ждёт нас в светлице, в главных покоях.

– Княжий боярин теперь, – шепнула я Драгомиру, – а у моего батюшки был сокольничим.

В ответ княжич наступил мне на ногу, чтобы замолчала.

Боярин Водовик шёл впереди, а позади за нами топали добрых молодцев свирепого вида, с топориками наперевес. Но я улучила момент, приподняла юбку и выпнула из-под подола прятавшегося Одихунтьевича.

Кот вылетел вон облезлой чёрной тенью и скрылся в боковом коридоре, даже не мяукнув. Нас проводили во светлицу – в ту самую, где прежде сживала за вышиванием моя матушка.

Я лишь зубами скрипнула, увидев возле окна, над пальцами, Равку.

При нашем появлении она отложила иголку, поднялась и махнула рукавом на боярина.

– Иди себе, Микитка, – велела она. – И стражи идите.

– Матушка, одну вас оставить? – всполошился боярин. – С этими оборванцами?

– Это же немощные старики, – заметила Равка. – Сразу видно, что ничего худого не замыслили.

Про себя я порадовалась Равкиной жадности. Это надо же так любить драгоценности, чтобы допустить до себя сторонних. Ещё и без охраны.

– Мы не умышляем, матушка-княгиня! – затараторила я, торопливо кланяясь. – Мы с просьбой, матушка! Выслушай! Помоги беде! А от нас тебе подарочек – от всего сердца, от прежних щедрот...

– Вот видишь? – Равка снова махнула на боярина. – Идите себе.

– Как скажешь, светлая княгиня, – буркнул Водовик.

Он вытолкал взашей добрых молодцев с топорами и закрыл дверь.

– Что там у вас за беда? – спросила Равка. – Чем могу помочь, старче и старица?

– Да ты погляди прежде, чем мы поклониться тебе спешим, – я стащила с плеча Драгомира суму и начала хвастаться шкатулкой. – Чудо-то какое, верно? А хотим в ответ помощь твою, княгинюшка...

– И правда, чудо, – согласилась Равка, когда я поставила шкатулку на стол. – Откуда вы его раздобыли? Вещь непростая, и стоит дорого.

– Осталась с прежних времён, – вдохновенно врал я. – Ещё до Большой Чумы мой дедушка из-за моря привёз.

– Дедушка? – уточнила княгиня, склоняясь над шкатулкой.

– Дедушка, – подтвердила я. – Хороший человек был! Смелый! Пять кораблей у него было. Два под полосатыми парусами, два под белыми, один под бранным красным, а плавали они...

– Где же ты так врать-то научилась, княжна Злата-Златогорка? – произнесла вдруг Равка громко и внятно, а потом одним движением выхватила из широкого рукава знакомую мне плетё. – Стань голубем! – крикнула она и со всей силы вытянула плетёю Драгомиру по плечу.

Всё происходило, как в дурном сне, который я уже видела.

Вместо старика, только что стоявшего на полу двумя ногами, в горнице затрепетал крыльями сизый голубь.

Птица метнулась вправо, влево, стукнулась о потолок, о резную решётку...

Я с отчаянием следила за полётом, отступая к двери мелкими шажками, в то время как Равка медленно надвигалась на меня, поднимая руку для нового замаха.

– Думала, я не разгадаю твою хитрость, княжна? – вполголоса заговорила Равка, и я перестала смотреть на голубя, потому что сейчас решалась моя судьба.

– Хитрости тебе не занимать, – сказала я, лихорадочно соображая, что делать дальше. – Назвала бы лисой, да ты волчица!

– А ты будешь коршуном, в пару своему дружку-княжичу. Голубь да чёрная каня – какая парочка! Вот перья-то голубиные полетят!

– Мерзавка ты, – только и смогла выговорить я, уже уперевшись спиной в запертую дверь.

– Хотела узнать, из чего моя плетё? – Равка спросила с издевкой и даже засмеялась. – Из поцелуй-травы. Знаешь такую?

Она замахнулась, и я мгновенно покрылась потом, пытаясь угадать, в какую сторону метнуться, чтобы не попасть под удар.

Но в это время голубь налетел на ключницу, пытаясь когтями ухватить плётку.
Дурачок! Что он сможет! Не орёл же!..

Крикнуть я не успела, потому что голубь вдруг превратился обратно в Драгомира.

Настоящего, живого, целого Драгомира. Не в старика немощного, а в молодого парня с тёмными кудрями и горящими глазами.

Равка получила кулаком прямо в лицо и рухнула, даже не ахнув.

Мне показалось, что весь терем содрогнулся, как она упала – на спину, широко разбросав руки, по-прежнему сжимая плеть.

Сейчас примчатся стражники-охранники, слуги и бояре...

Драгомир выхватил из рукава невесть когда и как припрятанный там двуострый кинжал. Я не успела остановить – сверкающий клинок вонзился Равке прямо в ярёмную впадинку. Почти до рукоятки.

Ключница всхлипнула, дёрнула ногами и затихла, уставившись в потолок остекленевшим взглядом.

– Вот и конец ведьме, – сказал Драгомир, выпрямляясь.

Рукоять кинжала зловеще поблескивала, тонкая красная струйка потекла по белой холёной шее, кровь закапала на светлые дубовые половицы...

– Ты цел? – я запоздало бросилась к княжичу.

Схватила его за плечо, за шею, ощупывая, чтобы убедиться, что это не сон, что передо мной человек, а не голубь.

– Цел, – он шумно выдохнул и засмеялся – сухим, страшным смехом.

Я обняла его, поглаживая по голове.

Вот и закончилось... Не так, как мы хотели, но закончилось...

И что теперь? Звать бояр? Кричать, чтобы вязали Бугу? Чтобы искали третьего волка?

Плеть... Надо забрать плеть...

Оторвавшись от Драгомира, я наклонилась, пытаясь разжать пальцы мёртвой Равки, но пальцы вдруг сжались ещё крепче.

Равка повернула голову и посмотрела на меня в упор. И скривила губы в усмешке.

Вскрикнув, я отпрянула. Драгомир тоже опешил, схватив меня за руку и заставляя отступить.

Потеряв дар речи, мы смотрели, как ключница поднимается с пола, берётся за рукоять кинжала и с видимым усилием выдёргивает его.

Кровь, которой полагалось бы так и хлынуть из раны, даже не закапала. Лишь та, что уже пролилась, запятнала белую шёлковую рубашку.

Рассечённая плоть зарастала прямо на глазах, и вот уже Равка покашливает и крутит головой, разминая мышцы шеи.

– Хороший удар, княжич, – сказала она с усмешкой. – Теперь мой черёд. И второй раз тебе точно не повезёт.

Она снова подняла плеть, и у меня от ужаса отнялись ноги. И сама я застыла, будто меня обрили не в чёрную каню, а в деревянный столб.

Как же так... Равка – живая?! Вот же и кровь на кинжале...

Драгомир ожил первым. Схватив лавку, стоявшую у стены, справа двери, он с размаху врезал лавкой ключнице по голове.

Равка опять рухнула, и Драгомир, схватив меня за шкуру, как котёнка, рванул вон из горницы.

Глава 3

Мы пробежали до конца коридора, и я опомнилась первой.

– Стой! – зашипела я, резко останавливаясь.

И когда Драгомир не послушался или не понял, продолжая тащить меня дальше, пихнула его в рёбра кулаком.

– С ума сошла?! Бежать надо! – заорал он бешеным шёпотом.

– И далеко мы убежим, балда? – ответила я тоже шёпотом, уже немного отдышавшись от пережитого ужаса.

Ожившая Равка так и стояла перед глазами, но теперь уже разум возвращался. И бежать сломя голову было просто глупо.

Старческая личина сползала с Драгомира, как ветوشка, что разошлась по швам. Всё-таки моё колдовство не было рассчитано на превращение в голубя и обратно, а потом на драку с ведьмой. Но как он её лавочкой наворачнул...

Я трусливо понадеялась, что от лавочки Равка, может быть, и помрёт. Но если не умерла от удара ножа, то надежда на лавочку – так себе.

– Стой, – велела я и пихнула княжича к стене. – Прости, если брезгливый...

Поплевав на ладони, я обеими руками схватила Драгомира за лицо. Он даже не дёрнулся, чему я втайне порадовалась. Некогда было ещё сударя–государя уговаривать.

Даже такого количества влаги хватило, чтобы снова сделать Драгомира стариком.

– А теперь – уходим, – шепнула я, поправляя сбившийся платок. – И веди себя, как ни в чём не бывало.

Мы спустились по лестнице, прошли мимо охранников-сторожильщиков, вышли на крыльцо, и в тереме всё было тихо. Может, и правда, Равка померла?

Но едва мы доковыляли до ворот, как из верхнего окна раздался вопль ключницы.

Кричала она что-то вроде «держите!», и даже те стражники, что стояли во дворе, бросились в терем, выхватывая на ходу кинжалы, мечи и палаши.

Ни я, ни Драгомир не стали прислушиваться, что там ещё кричала Равка. Мы просто рванули от этих ворот до городских – чтобы успеть удрать, пока не запрут все въезды и выезды. Оказаться запертыми в Житеце – это всё равно что попасть к Равке в волчьи лапы. Житец – не деревня. Не убежишь, перескочив через плетень.

Прохожие смотрели на нас, вытаращив глаза.

Ещё бы!..

Я бы тоже удивилась, увидев, как два старикана скачут вдоль по улице, как кобыла с жеребчиком.

На одном дыхании мы промчались до ближайших городских ворот, и я уже успела порадоваться, что нас не задержали.

– Выпустите, сыночки, – попросил Драгомир у двух стражников, которые несли на воротах службу.

Что касается меня, я только и могла, что тяжело дышать, оперевшись о руку княжича и согнувшись в три погибели. Коленки дрожали и от пережитого страха, и от напряжения, и только сейчас я подумала, что оказавшись за воротами нам очень неплохо было бы обратиться в голубей и улететь. Ведь Равка точно отправит за нами погоню.

– Не велено выпускать без разрешения княжны Златы-Златогорки, – ответил один из стражников, лениво пощипывая ус. – У вас есть разрешение?

Дышать я перестала сразу же. И сердце сразу же перестало скакать, как безумное. Оно попросту остановилось.

– Какое разрешение? – прикинулся дураком Драгомир. – Сыночки, мы же только сегодня зашли... Подарок княгине Равке принесли... Сейчас вот уходить собрались... Уважьте стариков...

– Не велено! – повторил стражник уже строго. – Иди в писарский приказ, дед. Там выдают грамоту, если тебе выход из города разрешён. Без грамоты – и разговора нет. Вали отсюда, если не хочешь, чтобы мы тебя в сыскной приказ доставили! Там будешь объяснять, для чего тебе из города уйти потребовалось!

Незаметно плюнув на ладонь, я помочила лоб, а потом медленно распрямилась, всё ещё держась за руку Драгомира.

– Какая тебе от меня грамота понадобилась, холоп? – сказала я грозно и скинула платок на плечи.

То, что стражники уставились на меня, раскрыв рты, означало, что преображающее колдовство было снято. И теперь я была не древней старухой, а молодой девицей двадцати одного года от роду.

– К-княжна-матушка! – еле выговорил, заикаясь, стражник.

– Неужели, узнал? – сказала я с издевкой, нахмурилась и топнула: – А ну, открывайте ворота! И если кому скажете, что видели меня здесь – не в сыском приказе окажетесь, а в порубе!

Ворота были открыты тут же, и мы с Драгомиром вышли из города, стараясь не слишком торопиться, чтобы не вызвать лишних подозрений. Отойдя шагов на пятьдесят, мы свернули с дороги в кусты и тут уже рванули во всю силу.

– Надо к реке, – сказал Драгомир на бегу. – Конники по лесу не слишком догонят, от пешеходов спрятаться можно, а если с собаками погоня будет... След возьмут...

Он не сказал, но наверняка подумал, что надо бояться не только собак. Но и волков. Равка так просто нас не упустит. При первой возможности отправится следом.

Мы вышли к реке и пошли вниз по течению, стараясь держаться по щиколотку в воде, чтобы сбить собак со следа. Когда я уже не могла сделать ни шагу, Драгомир усадил меня на закорки и пошёл, унося всё дальше и дальше.

Только тут меня словно молнией ударило:

– Одихуся! Мы про Одихусю забыли!

– Не сдохнет твой кот, – процедил Драгомир сквозь зубы.

– Нет! Я не могу его бросить! – тут я не сдержалась и расплакалась.

Драгомир плюнул и выбрался на берег.

– Послушай, – начал утешать меня княжич, – кот – это зверь. Ему всяко легче и проще. Да он у тебя умный, не пропадёт. А вот нам с тобой опасно тут оставаться. Надо уйти как можно дальше. Где-то спрятаться, оружие найти...

– Ты не понимаешь! – всхлипывала я, размазывая слёзы по щекам. – Он же как ребёнок! Он даже крыс не умеет ловить! И мышами брезгует! Он даже прокормиться не сможет! Только воровать ему и останется! А кошку вороватую каждый прибить может!

– За кошку вороватую – благодарствую! – раздался совсем рядом злой мяв Одихунтьевича. – И за то, что хоть вспомнила – тоже! Прямо два благодарствия тебе! Прямо от души!

Кот вылез из кустов злой, как дюжина чертей. Зелёные глаза так и сверкали.

– Бросили меня, значит, – его так и распирало от обиды и ярости. – Сами удрали, значит. А я, значит – не пропаду!

– Одихусенька!.. – я сгребла кота в охапку и зарылась лицом в нагретую солнцем шерсть.

– Руки убрала, – проговорил он с достоинством. – Сейчас я тебе – Одихусенька, а там, значит, драпали без меня! Бросили на произвол судьбы! Позабыли, позабросили!

– Прости, – я виновато отпустила кота. – Но там столько произошло... Если бы ты знал!

Я пересказала Одихунтьевичу, как Равка сразу нас распознала, как её не удалось убить, и как Драгомиру пришлось даже побывать голубем.

Кот слушал жадно, не перебивая, а когда я закончила, выпалил:

– Плеть-то забрали?..

– Нет, – ответила я ещё виноватее. – Не удалось с плетью... Я же тебе говорю – Равку не получилось убить, она опять ожи...

– Да что же вы за бестолочи! – заголосил Одихунтьевич. – Что же вы за пошлые, тупые остолопы! Ведь плетень у вас в руках была! В руках!.. А теперь что?! Зря всё! Всё зря-а-а!.. А-а! – взвыл он и закачался из стороны в сторону, прижимывая глаза и подвывая так, что птицы испуганно взвились из ракитника.

Никогда ещё я не видела своего кота в таком отчаянии. И растерялась едва не больше, чем когда мёртвая Равка на меня посмотрела.

Зато Драгомир не растерялся.

Одихунтьевич получил крепкого пинка, от которого улетел на пару саженей. Кот шлёпнулся на четыре лапы, выгнув спину и зашипев. Я хотела встать между ними, потому что глаза у кота опасно сверкнули и сам он изготавился к прыжку, но Драгомир сказал чётко и отдельно:

– Заткнулся и пошёл. Если не хочешь, чтобы я тебя, шкура драная, тут же не притопил.

Княжич снова закинул меня на спину и пошлёпал по воде дальше. Я оглянулась на кота.

Одихунтьевич помедлил, а потом затрусил по берегу. Хоть и держался на расстоянии, но не отставал.

– Мерзавец! – мяукнул он, хотя и не слишком громко.

– Сам такой, – буркнул в ответ Драгомир.

Мы шли до сумерек, не останавливаясь. То есть, если говорить честно, постоянно шёл только Драгомир. Он нёс то меня, то Одихунтьевича, когда мы с котом совсем выбивались из сил.

Нести кота Драгомир не хотел, но глядя, как я едва переставляю ноги и тащу на руках обессилевшего котяру, взял его сам.

Одихунтьевич настолько устал, что даже не смог ответить. Только зло сверкнул глазами. Впрочем, может, у кота хватило ума промолчать. Всё-таки глупо ругать того, кто тащит тебя по доброте душевной.

Ближе к вечеру мы выбрались на берег и стали устраиваться на ночлег.

Погони покамест не было. Я постоянно слушала птиц, но лесные птицы были спокойны. Были бы в здешних лесах медведи, было бы проще. Но возле Житеца медведей давно не водилось. Как и волков.

Волки...

Я невольно поёжилась, помолвившись про себя, чтобы нам удалось сбить Равку и её сообщников со следа. Совсем не хотелось повстречаться с ведьмой ночью, в лесной глуши.

Мои страхи подтвердились, когда Драгомир первым делом после того, как натаскал валежника и развёл костёр (у него ещё хватило на это сил!), нашёл крепкий сук, заточил его и принялся обжигать заточенный конец на огне, делая рогатину.

Значит, предполагал, что ночью нам придётся иметь дело с оборотнями. С колдунами. У которых плётка...

– Молочка бы... – слабым голосом протянул Одихунтьевич, начиная понемногу оживать возле огня.

– Сходи в лес, зайца поймай и надои, – проворчала я в ответ, но заставила себя подняться и побрела вдоль кромки кустов, высматривая что-нибудь съедобное.

Мне повезло найти несколько грибов – белых и подосиновиков. Молоденьких, хороших, с крепенькими ножками. Соли не было, но и без неё мы за обе щеки уплели жаренные на огне грибы. Даже Одихунтьевич не возражал против грибов – лопал так, что за ушами трещало.

Драгомир поглядывал на него с недовольством и в конце концов не выдержал.

– Впервые вижу, чтобы кот грибы ел, – проворчал княжич.

– А-ха-ха! – огрызнулся Одихунтьевич. – Сам жрёшь – подавиться не боишься!

– С голоду и не то съешь, – сказала я Драгомиру миролюбиво. – Не задирай кота, очень тебя прошу. Ему сейчас хуже нашего.

– Да? И чем это? – хмыкнул Драгомир. – Наверное тем, что устал на моей шее ехать? И правда, бедняжка.

– Брехун и дурак! – выдал Одихунтьевич, облизывая усы. – Ну, сними только на ночь сапоги...

– Помолчи, а? – одёрнула я кота. – Действительно, едешь на нём – так не гавкай. Не собака.

– А, спелись! – выгнул Одихунтьевич спину дугой. – Вы бы так дружно против ведьмы воевали, как против меня!

Мне стало совестно.

– Ладно, не ворчи, – сказала я и признала: – Да, сплеховали. Но кто же знал, что Равка такая сильная колдунья?! Она вмиг нас раскусила. Сразу меня узнала, даже в старухином облике. Жаль, драгоценности мы потеряли. Кош Невмертич хотел помочь, да всё зря...

– Зря вы на свет такими бестолковыми родились, – сказал Одихунтьевич и ушёл в кусты, задрвав хвост.

– Как он нас нашёл? – спросил Драгомир тихо и резко.

– Кто? – не поняла я, с перепугу начав оглядываться.

– Кошак твой, – отрезал он, отбрасывая прутик.

– Как нашёл? Одихуса как нашёл? А почему ты спрашиваешь?

– Он врёт, – сказал Драгомир угрюмо и так же угрюмо посмотрел в ту сторону, куда отчалил лебедью свет-Одихуса.

– С чего ты взял?! – обиделась я за кота.

– Подумай сама. Мы отправили его пошнырять по терему, чтобы нашёл плетё. Предполагаем, что он шныряет по терему, пока мы разговариваем с ведьмой. Потом мы второпях убегаем. Даже стража ничего не поняла. А кот как нас увидел? Да ещё и за нами побежал, да ещё и догнал уже далеко за городом?

– Слушай, тебе Одихуса не нравится, – я заговорила точно так же, как Драгомир – угрюмо, резко, но уж очень я обиделась за такие подозрения, – но я его много лет знаю. А ты – без году неделя.

– Знаешь? – княжич взглянул на меня исподлобья. – А не он ли Равку на нас навёл? Я его тогда уже подозревал, да он хорош языком молоть. Отговорился, что нас защищал. Но что-то в его рассказах не складывается. Врёт он. Не удивлюсь, если на ведьму шпионит.

– Глупости говоришь! – зашипела я на него почти по-змеиному. – Мозгами пошевели, если есть чем! Служил бы Одихуса Равке, она бы меня в лесу уже давно припутала! Одну! Без защитника-богатыря!

Драгомир хмыкнул, но промолчал. Я видела, что он засомневался и незаметно показала ему кулак, потому что кот появился из кустов, как сизый селезень на озёрной глади.

– Чтобы подозрения свои при коте моём не выкладывал, – сказала я Драгомиру. – Нет доказательств – не оскорбляй! Он хоть и кот, а у него и сердце, и душа есть. Если бы не он, я бы давно там, в чаще, с ума сошла. Не ты меня утешал, когда мне тоскливо было. И не ты со мной на перине лежал, когда я плакала. Так что...

– Ты его расспроси, как он за нами увязался, – перебил Драгомир и поднялся, потягиваясь. – Да поподробнее.

Он взял рогатину и тоже отправился в кусты. Только в другую сторону, не туда, куда бегал Одихунтьевич.

Кот подошёл, улёгся возле костра, не боясь подпалить шубу, и сделал «уррр», как всегда, когда был спокоен и доволен.

Я смотрела на него, а слова Драгомира так и крутились назойливыми мошками. Вот ведь – слово! Маленькое, а ум язвит и язвит. Так и жалит.

– Котя, – позвала я, – а как ты нас догнал? Почему мы тебя рядом не видели?

Одихунтьевич лениво повернул голову, посмотрел на меня сонными глазами и фыркнул:

– Да что вы там видели? Драпали, как два испуганных суслика. Я орал-орал, да где там... Даже не оглянулись. Насилу вас догнал. Как ещё не заблудился, пока вы там по лесу носились...

– Ты же должен был плётку заколдованную искать, – напомнила я.

– Так я и искал, – кот зевнул, выгнув язычок. – Ползу себе по карнизу, а тут вы выбегаете из терема, и сразу к воротам. Я сразу понял – что-то не то. И за вами. как не расшибся, когда прыгнул...

Он перекатился через спинку, укладываясь ко мне поближе, и блаженно заурчал, когда я погладила ему брюшко и помассировала кожаные подушечки на лапках. Он любил, когда я массирую ему лапки. Прямо как ребёнок.

Драгомир вернулся и взглядом спросил: «что?».

– Всё хорошо, – ответила я, продолжая наглаживать кота. – Давайте-ка теперь обсудим всё спокойно и в здравом размышлении. Шкатулку мы потеряли. Теперь Равка знает, что мы можем обернуться стариками. И что Драгомир жив и нашёл меня. Всё это плохо. Но зато теперь нам известно, что колдовская плеть имеет обратное действие. И ещё... Помнишь, – я поколебалась, а потом продолжала, – она сказала, что плеть сделана из поцелуй-травы.

– Не помню, – признался Драгомир. – Я тогда мало слушал, что ведьма говорила. Не о словах её тогда надо было думать, а о том, как спастись.

– Поцелуй-травы, – повторила я задумчиво. – Никогда о такой не слышала. А я ведь многие травы знаю. Меня травам на Рюгене учили. Есть борец-травы – это синий шпорник. Есть одолень-травы – это кувшинка. Разрыв-травы – это папоротник. Горюн-травы – бадьян. Плакун-травы – это дербенник иволистный. Но что такое поцелуй-травы? И почему...

Я замолчала на полуслове, и Драгомир посмотрел на меня с беспокойством.

– Поцелуй-травы... – повторила я, и у меня даже в печёнках похолодело. – Да слышала же я про неё! На ярмарке слышала!

– На какой ярмарке? – спросил княжич.

– Там, где на тебя та девка чернявая вешалась. Забыл уже? – не сдержалась и съязвила я, но сразу заговорила серьёзно. – Я ещё с бабкой её колдовством тягалась.

– Ну, – припомнил Драгомир.

– Ложки гну, – передразнила я его. – Говорила та девка про поцелуй-травы. Когда ссорились с ней, говорила. Но хоть косу режьте – не помню что именно. А бабка её говорила... – я всеми силами пыталась воскресить в памяти тот ярмарочный день, который казался невероятно далёким.

Словно не этим летом дело было, а лет сто назад, при царе Горохе.

– Бабка обозвала меня оборотницей, – сказала я, глядя в огонь невидящим взглядом. – Она во мне сразу оборотницу разглядела. Как и Равка. И сказала – Агриков меч по тебе плачет. Чтобы мечом между головой и плечом...

– Что за Агриков меч? – удивился Драгомир.

– Тоже никогда не слышала. Но кому-то известно и про поцелуй-травы, и про то, как убить оборотня, – сказала я торжественно. – Надо найти тех чухонков и порасспросить. Так что решено – идём обратно, в заповедные леса.

– В заповедный лес? – Драгомир нахмурился. – А ты не опасно ли? Да и где ты там сейчас будешь ту бабку искать? Они же как перекасти поле, это племя. Сегодня здесь, завтра там.

– Предлагай своё, – щедро разрешила я. – Может, в Житец вернёмся? У ворот постучим, да покричим, что мы, дескать, здесь.

– Не то говоришь, – покачал головой княжич.

– То или нет, а пока не проверим, не узнаем, – я подкинула в огонь веточек. – Главное теперь – как мы до деревни доберёмся. Стариками нас уже видели, в своём настоящем облике идти – нас уже ищут. И так и так опасно.

– Да уж... пробормотал Драгомир и замолчал, кусая губы.

– Тебя в старика превращу, – сказала я, – а сама так пойду.

– Меня в дрань превращать не смей, – вставил своё слово кот, даже не открывая глаз.

Я подскочила, когда он заговорил, и от души отругала:

– Тыфу ты! Перепугал!

– Что сказал? – тут же подозрительно взглянул на Одихунтьевича Драгомир,

– Глупость, – сердито отрезала я и добавила, обращаясь к коту: – Тебя всё равно никто не ищет. Иди себе, как есть.

– Добррррая, ррразрешила, – насмешливо мурлыкнул он и перевернулся, подставляя спину.

– Ладно, – отдыхать ложитесь, – велел Драгомир. – Ночью нам всяко лучше у огня сидеть. Если ведьмы догонят... – он замолчал, не договорив.

Я тоже не стала ничего говорить. Страшно к ночи упоминать о Равке-волчице и её колдовской плётке.

– После вторых петухов меня разбуди, – велела я княжичу, устраиваясь на земле и подтягивая Одихунтьевича под бок. – Тебе тоже надо поспать.

– Угу, – буркнул Драгомир.

Кот давно сопел, а я никак не могла заснуть. И совсем не оттого, что лежать на земле было неудобно. Мучили меня тяжёлые мысли, страх и сожаление, что ничего-то мы не сделали, и лишь чудом не попались в лапы ведьмы. Думала я о том, что Драгомир прав – никто не знает, ждут ли нас чухонки. Ушли – и ищи их, как ветерок в поле. Не лучше ли пойти к Кошу Невмертичу? Может, он знает, что такое – поцелуй-травы и Агриков меч? А если не знает? Не знал же он из чего плётка. И что оборотницу не убить – тоже не знал. Пойдём к Кошу – только время потеряем. Нет, сначала найти бабку... И расспросить...

Я задремала, но и сон был тревожный и неглубокий. Несколько раз я вздрагивала и с ужасом открывая глаза, потому что мне чудился волчий вой.

Но Драгомир сидел у костра, сгорбившись и опираясь на рогатину, а вокруг было тихо, как может быть тихо в ночном лесу.

Конечно же, этот герой-жених меня не разбудил, и проснулась я уже на рассвете, когда птицы вовсю шныряли в кустах и заливались на сто голосов.

Толкнув храпевшего Одихунтьевича, я напустилась на Драгомира, от души его отругав.

Пока кот ходил в кустики, княжич молча и мрачно слушал меня, заодно засыпав пламя землёй.

– Всё сказала? – спросил он, когда я замолчала, тяжело дыша. – Тогда собираемся – и пошли. Нам на север. Пойдём по главной дороге, так быстрее.

– По главной дороге погоня будет, – не согласилась я.

– По лесу заблудимся, – отрезал Драгомир. – Ты женщина, вот и слушайся, и не спорь.

– Слушайся?! – вскипела я, но тут появился кот, и при нём я ссориться не пожелала, потому что морда у Одихунтьевича была очень довольная.

Он даже оживился, поглядывая то на меня, то на Драгомира.

– Чего улыбаешься? – сказала я коту резче, чем хотела. – Не до шуток сейчас.

– Вообще обижаешь понапрасну! – тут же заорал он. – Ты где видела, чтобы коты улыбались?! Ты глаза протри!

- Я тебя сейчас пну, – пригрозила я, и Одихунтьевич благоразумно отбежал подальше.
- О чём он? – настороженно спросил Драгомир.

И это он сделал зря. Потому что его подозрения насчёт кота оказались последней каплей.

- Ни о чём! – почти заорала я в ответ. – Прекрати уже Одихусю подозревать! Если мы между собой перегрызёмся, Равке и в погоню за нами незачем будет бежать!

– От-ты, понесли сапожки Злату, – бормотнул кот и сказал, забыв, что Драгомир его не понимает: – Пошли отсель, пока она драться не начала.

Он задрал хвост трубой и гордо прошёл мимо меня, возмущённо подрагивая усами.

- Пошли отсель, – сказал Драгомир, будто понял кошачью речь, и направился за котом.

- Правильно! – крикнула я им вслед. – Пошли вы отсель!

Постояла пару мгновений, а потом поспешила за ними.

Глава 4

Мы боялись погони – и волчьей, и человеческой, но вторая ночь тоже прошла спокойно. По пути попала деревня, и Драгомир с котом отправились туда – на разведку и разжиться едой. Я нервничала и места себе не находила, вышагивая под ракитами, где меня оставили до времени. Я ведь тоже хотела пойти, но Драгомир запретил накрепко и пообещал связать, если буду спорить.

– Чем свяжешь? Своим гашником? – огрызнулась я. – Без него штаны потерять не боишься?

Одихунтьевич открыто не ржал и помалкивал, но тут не утерпел и фыркнул в усы.

– А ты – молчи! – тут же ткнула я в его сторону пальцем.

– Так я ничего не сказал, – кот вытаращил на меня невинные-невинные глаза. – Травинка просто в нос ткнулась.

И в подтверждение своих слов он повозил мордой по траве.

– Ой, тупень... – протянула я со вздохом.

– Так-то князь рыло дело говорит, – заметил Одихунтьевич. – Втроём пойдём – можем попасться. А так ты вроде как в засадном полку будешь. Если обормот этот во что-нить вляпается, спасёшь убогого.

Драгомир тут же посмотрел на меня вопросительно, и я вяло махнула рукой:

– Ладно, иди. Котя сказал, чтобы я не волновалась. Он за тобой присмотрит.

Драгомир фыркнул точно так же, как Одихунтьевич и перевёл взгляд на него.

– Э-э! Ты буркалами на меня так не зыркай! – предостерёг кот, на всякий случай падая на брюхо отползая на пару шагов назад. – Так-то я бешеный! Если что – сапогами не отделаешься. Рожу поцарапаю – будь здоров!

– Иди уже, бешеный, – сказала я и добавила: – Пока не передумала.

Но волновалась я зря, и вскоре княжич вернулся. Он нёс каравай и кринку молока, и свёрток под мышкой, а за ним вслед бодро бежал кот, задрал хвост.

– Поесть взял, – Драгомир осторожно составил кринку на плоский камень, – и одежду тебе выторговал. Переоденься.

Он протянул мне свёрток. Там оказались простая рубашка из некрашеного полотна, такие же штаны, стёганая безрукавка и войлочная шапка.

– Ищут парня и девушку, – пояснил Драгомир, отламывая кусок хлеба, – или старика со старухой, а не старика и мальчика.

– Ага, из неё мальчик, как из меня – принц заморский, – не удержался Одихунтьевич.

Но сказано это было без особого ёрничества и даже сквернословить кот не стал. И это было удивительно. Но первым делом я зажевала половину ломтя, протянутого Драгомиром, чтобы хоть немного утолить голод, а потом переоделась в кустах.

Тут княжич был прав – мальчика точно не ищут. Правда, и кот был прав – мальчик из меня получился так себе. Безрукавка частично скрывала, что под рубашкой у меня женская грудь, но поясок был плетёный, девичьими узорчиками, и сапожки явно не на парнишнину ногу. Но опояску и обувь Драгомир взять не догадался. А может, не нашёл.

– Как я вам? – сказала я, выходя к мужчинам.

Драгомир молча окинул меня взглядом с головы до ног, а вот Одихунтьевич сразу раскрыл пасть.

– Хорошо выглядишь, – одобрил он. – Особенно коса до пояса. С шёлковой лентой.

– Да, коса выдаёт, – согласилась я, подёргав себя за косу. Лучше отрезать, от греха подальше...

– Нет!! – рывкнули хором и кот, и Драгомир.

Я слегка опешила от неожиданности, а они переглянулись и тут же отвернулись в разные стороны.

– Косу не режь, – сказал Драгомир уже спокойнее. – Сверни и под шапку спрячь. Шапку не зря же принёс.

– Войлочная шапка летом?! – поразила я.

– Косу резать не дам, – повторил княжич и посмотрел на меня в упор.

– Вот согласен с ним, – поддакнул кот.

– Спелись, – сказала я, но сказала это совсем не зло.

Мне тоже жаль было бы резать волосы. Когда-то бабка Любослава гладила меня по макушке и говорила, что на моей свадьбе научит кого-нибудь из младших мальчишек пропеть песню про мою косу, когда будет выкуп невесты. Песню я целиком не запомнила, но сейчас вот всплыло в памяти: «Свои все, золотые». Ещё подёргала себя за волосы, борясь со слезинками, тут же набежавшими на ресницы, а потом стала запихивать косу в шапку.

Получилось так себе, да и шапка сидела на голове не слишком крепко, я всё боялась, что шапка свалится. Но теперь мой внешний вид мужчины одобрили, мы съели по краюхе хлеба, выпили молоко до последней капли, завязали оставшийся хлеб в мою девичью рубашку и отправились в путь.

– А княжич – тот ещё хрен ядрёный, – болтал Одихунтьевич, идя рядом со мной. – В игольное ушко не выдохнув пролезет. Не смотри, что болван. Всё равно хи-и-итрый. Посмотрела бы ты, как он там торговался! – и передразнил: – «Красавица подай дедушке за последнюю монетку». А сам серебро подаёт. И смотрит так просительно-просительно – нищий с большой дороги, да и только.

– Ну ты и сплетник, – не выдержала я.

– О чём шепчетесь? – тут же спросил Драгомир.

– О тебе, дедуся, – ответила я ему. – Поход твой обсуждаем. Как ты там серебром сорил.

– Не сорил, а купил еды и одежду тебе, – проворчал княжич.

– Спасибо, – поблагодарила я его. – Ты молодец, справился. Я бы так не смогла.

Кот, всё-таки, заржал. Драгомир посмотрел на него и произнёс:

– А я смог. Если что – ещё и пнуть смогу.

Смеяться Одихунтьевич сразу перестал.

– Варвар он и балбес твой Драгомир, – шепнул кот так, чтобы услышала только я. – Ты с ним поосторожней. Я предупредил.

Мы шли всё дальше и дальше, оглядываясь, прислушиваясь, но на большой дороге было тихо и спокойно. Лишь пару раз нас обогнали две телеги, да один раз мимо протащился торговый обоз – десять гружёных повозок с купцами, жёнами и ребятишками. Были и охранники – два дюжих молодца с палашами в руках. Мы пересидели в овраге, пропуская их вперёд, хотя Одихунтьевич ныл, что можно было выпросить или прикупить место в повозке – лапки, дескать, устали.

– Придётся потерпеть, – погладила я кота по голове. – Нам сейчас лучше ото всех прятаться. Ты же понимаешь.

– Лапкам моим это скажи, – сердито дёрнулся кот под моей ладонью.

Драгомир ничего не сказал, но когда мы снова вышли на дорогу, взял Одихунтьевича за шкуру и посадил к себе на плечо.

Кот, начавший было матерно орать и грозиться, тут же замолчал.

– Цени дружбу, усатый, – сказала я ему, а он вроде как обиделся и надулся.

Дорога вела нас всё дальше и дальше, по ночам волки не были ни поблизости, ни вдали, и мы с Драгомиром строили догадки – что делает Равка. Хитро выжидает? Задумала новое коварство? Или мы всё же сбили её со следа, когда удирали рекой?

Так или иначе, но путешествие наше было спокойным. Деревеньки попадались часто, пару раз мы ночевали на сеновале, и всегда могли купить хлеба и молока. Когда останавливались возле речки, Драгомир ловко острожил рыбу, и мы жарили её на прутиках над костром. Одихунтьевич страх как любил такую жареную рыбку и даже трясся от нетерпения, пока я поворачивала над пламенем жирного леща или серебристую плотвичку.

Когда мы вышли на знакомый тракт, я предупредила Драгомира:

– Ведём себя осторожно. Помни, что нам тут чуть шею не начистили в прошлый раз.

– Это ты мне говоришь? – хмыкнул княжич.

Я только посмотрела на него укоризненно.

– А что было-то? – тут же полез с расспросами кот.

– Надо было с нами тогда идти, а не обиженку строить, – поддразнила я.

Одихунтьевич приготовился снова обидеться, но мы уже подходили к деревне, и он предпочёл сидеть на Драгомировом плече тихо, потому что на нас сразу же выскочили деревенские собаки и облаяли.

В самой деревне новости нас ждали совсем не обнадеживающие. Ярмарка, разумеется, давно закончилась, и все купцы и гости отбыли по своим домам, сёлам и весям. Уехали со своим семейством и гадалки Вамматар и Кивуня. Куда уехали? Да кто же знает? Это племя – как птичье перо. Где ночь застанет – там и ляжет, куда ветер дунет – туда и полетит.

– Да вы не переживайте, – успокоил нас староста Завид, на которого мы наткнулись у первого же дома. – Они к нам каждую ярмарку приезжают. Осенью, когда урожай снимем, обязательно приедут. Тут их и расспросите.

Он не узнал ни меня, ни Драгомира. Потому что в ту нашу встречу я была старухой, а княжич – молодцом удалцом. Теперь же перед старостой стояли старик и мальчишка. Кот на плече – он не в счёт.

– Три месяца нам ждать не с руки, – шепнула я Драгомиру, когда мы отошли от Завида Неревина на десять шагов.

– И что делать? – так же шёпотом ответил княжич. – Будем ловить ветер в поле?

– Зачем – ветер? – дёрнула я плечом. – Утром для нас жаворонки посмотрят, днём – ястребы, а вечером сов попрошу. Кто-нибудь чухню эту да углядит.

Мы купили на последние деньги хлеба и соли, сложили всё в купленную дорожную суму и отбыли из деревни.

У меня сердце защемило, хотя я не хотела в этом признаваться. Где-то поблизости бродили мои лошадки... Травку щипали... А Сивко-Буланко зорко посматривал по сторонам, охраняя табун... И пепелище избушки, где мы с Одихунтьевичем прожили так долго, тоже был неподалёку...

– Жили – не тужили, – уныло мяукнул кот, словно угадав мои мысли.

– Мы им и за это отомстим, – сказал вдруг Драгомир, и мы с котом удивлен на него уставились. – И за дом сожженный, – продолжал он, не замечая наших взглядов, – и за то, что спокойной жизни нас лишили. За всё ответят, ведьмы проклятые.

Одихунтьевич отчего-то промолчал, хотя я ждала, что сейчас начнёт язвить. Что касается меня, то я вместо ответа взяла княжича за руку. Так мы и пошли дальше – держась за руки. И Драгомир крепко сжимал мою ладонь в своей. И я вправду верила, что мы отомстим всем злодеям и победим всякое зло.

Птички меня не подвели, и уже на второй день сообщили, что повозка гадалок движется на север по большой дороге. Драгомир что-то там начертил прутиком на песочке, высчитал на пальцах и сказал, что за два дня можем догнать, если поторопимся.

Одихунтьевич уже не злословил, а молча ехал на спине Драгомира или у меня на руках, а мы торопились, как могли.

Мои сапожки стали серыми от дорожной пыли, а подошвы грозили оторваться. По вечерам у меня болели все косточки и все жилочки, я падала на землю или в сено (если удавалось набрести на стог или сеновал) и мгновенно засыпала. Держался первые две ночи, потемнел лицом от загара и от недосыпа, а однажды утром я обнаружила его рядом – сладко спавшим со мной в сене, голова к голове.

Между нами устроился Одихунтьевич и тихонько посапывал.

Было уже утро. Не раннее, а уже солнечное, яркое. Лучики проникали через щелястую крышу, золотили сенные травинки, и волосы Драгомира казались почти золотыми. Ресницы тоже казались почти золотыми. Хотя я знала, что они тёмные. Очень красивые ресницы – густые, изогнутые. И брови красивые – соболиные, разлёт.

Я не удержалась и протянула руку, чтобы коснуться кончиком пальца этих бровей.

В последнее мгновение я остановилась, боясь разбудить. Пусть поспит, пока всё спокойно. Мы ведь не знаем, что произойдёт завтра... Даже сегодня...

Драгомир вдруг открыл глаза, и наши взгляды встретились.

Было так же тихо, так же посапывал Одихунтьевич, но что-то разом изменилось. Как будто я снова сидела на иве, над озером, и вдруг увидела Драгомира на берегу.

Сердце замерло, трепыхнулось, а потом застучало, будто хотело выпрыгнуть из груди.

Драгомир подался вперёд, и я тоже потянулась к нему. И всё это медленно, осторожно, словно мы боялись спугнуть друг друга.

Губы наши встретились, соединились, и вот уже получился поцелуй – самый настоящий, желанный для обоих, а не украденный впопыхах... Как в дни нашей юной юности, в батюшкином саду...

Ой, да и тогда было желанно для обоих!.. Ведь я всегда этого хотела... Этого поцелуя... Этого человека...

Крепкая мужская рука легла мне на щёку, чуть повернула мою голову, подсказывая, как будет удобнее, и поцелуй превратился в настоящее сумасшествие. Это когда в голове – лишь солнце и ветер. И любовь, конечно же... Как же без любви?..

Я закрыла глаза, позволяя солнцу и ветру захватить меня полностью, всю, без остатка. И даже не воспротивилась, когда Драгомир приподнялся на локте, уже нависая надо мной, прижимаясь грудью к моей груди...

– Милая... Дорогая... – прошептал он мне в губы, когда мы на мгновение прервали поцелуй, чтобы вздохнуть.

Вместо ласковых слов в ответ, я схватила его за шею и потянула на себя, снова ныряя в солнечно-ветровое безумие.

Рука Драгомира скользнула по моей щеке, потом по шее, потянула завязки на горловине моей рубашки.

«Златка! Горки у тебя золотые, а маковки – серебряные или яхонтовые?», – дразнил он меня когда-то.

Вот дались ему эти горки... Наглец какой...

Но я уже сама тянула шнурочки, чтобы ему легче было пробраться ладонью.

– Ма-а-а-ау! – заорал Одихунтьевич диким голосом, а Драгомир шарахнулся от меня и зашипел по-змеиному, потирая через штаны бедро.

Я испуганно засучила ногами, пытаюсь сесть, и не понимая, с какой стороны пришла беда. И главное – какая?! Волки? Стражники? Уже окружили? Нападают?!

– Чуть не раздавил меня, проклятый! – орал кот, распушив хвост щёткой. – Боров ты толстопузый! Медведь ты толстопялый! Колода ты мясницкая!

– Ты что орёшь? – спросила я, заплетающимся языком, ещё не придя в себя окончательно после утренних поцелуев.

– Впился в меня до мяса, вурдалак! – тем временем шипел Драгомир откатываясь в сторону. – Пришибу этот шерстяной мешок!

– Ты себя о косяк пришиби! – огрызнулся Одихунтьевич. – Тебе спать в свинарнике надо! Там все твоих размеров! А ты что вытаращишься? – теперь кот напустился на меня. – Тебе не говорили, что девицам в сене с мужиками валяться стыдно? Ой, ну тьфу просто! Ну позорище же!

Драгомир хотел сцапать его за шкуру, но кот оказался проворнее и дунул с сеновала черной стрелой. Княжич бросился в погоню. Я – с опозданием – побежала за ними. Когда спустилась по приставной лестнице, Драгомир в ярости метался вокруг, шаря по лопуховым зарослям.

– Да не ищи уж, – усмехнулась я, потому что это, и правда, было смешно. – Одихуня уже где-нибудь на берёзе сидит. Или на крыше. Так-то он не слишком неправ. Не всякому понравится, когда на них богатырь навалится.

Рыскать по зарослям княжич сразу перестал и взглянул на меня в упор.

– А ты... – начал он после недолгого молчания.

– А я думаю, что в путь нам пора, – быстро ответила я, завязывая шнурок на ворота рубашки и стараясь не слишком краснеть. – У нас дела, если не забыл.

Я присвистнула, подзывая кота, и чёрная мохнатая морда сразу появилась из-под стрехи.

– Мы к речке, – сказала я Одихунтьевичу. – Умыться. Давай за нами, не отставай.

Но умываться в этот день нам не пришлось. Только мы вышли на берег, как увидели на той стороне, на зелёном лугу, пёструю кибитку и двух лошадей, мирно пасущихся поодаль.

Даже на расстоянии я разглядела, как чернокошая Кивуня идёт с кувшином к воде, подвернув рубашку выше колен.

– Вот и нашлась пропажа, – сказала я Драгомиру.

– Брод найти надо, – отозвался он, оглядываясь.

– Какой брод? Вплавь надо! Упустим! – я готова была прыгать прямо с обрыва и плыть, но Драгомир поймал меня за плечо, останавливая.

– Теперь не упустим. А нам надо вещи забрать, – напомнил он и добавил, как выплюнул: – И кота твоего. Сама его понесёшь. Иначе придушу гадёныша.

Свои нехитрые пожитки мы забрали, чуть ниже по течению нашли мелкое место и перешли реку вброд. Драгомир нёс дорожную суму, а я тащила на руках Одихунтьевича. Кот злился, то и дело кусал меня за пальцы и ворчал, обзывая княжича то кабаном, то ещё как, но неизменно – обидно. Я ничего не отвечала, и это злило Одихунтьевича ещё сильнее.

– С чего это вы уснули рядышком? – сменил он оскорбления на подозрения. – Это ты его позвала?

– Нет, – соизволила ответить я. – Сам пришёл.

– Вот оха-а-альник... – ошетилил усы кот.

– Вообще-то, он нас с тобой по ночам охранял, – руки у меня были заняты, а не то точно щёлкнула бы кота по носу. – Две ночи не спал. На третью не выдержал.

– И бубенцы к тебе свои подкатил?!

– Сейчас купаться отправлю, – пообещала я, потому что кошачье нытьё мне надоело.

Да и не до него сейчас было. Кибитка по-прежнему стояла посреди поля, лошади мирно паслись, Кивуня вернулась и хлопотала возле костра, а я мысленно прикидывала, что скажу чухонкам и как буду выznавать про поцелуй-траву и заветный меч.

Моя угроза подействовала, Одихунтьевич притих, мы с Драгомиром вышли на берег, надели сапоги и отправились к костру.

Кивуня заметила нас, сначала дёрнулась, а потом присмотрелась и расплылась в улыбке. Мне только и оставалось, что стиснуть зубы. Драгомира девица сразу узнала, а вот меня – вряд ли.

Я надвинула шляпу почти на глаза, потом опомнилась. Не Драгомиру же поручать насчёт тайных знаний. Драгомир в другом силён. Явно не беседы с бабами по душам вести.

Над костерком висел закопченный, чуть погнутый котелок, в котором уже булькала каша. С салычем. С луком.

Мы с Одихунтьевичем одинаково приняхались, но я сразу же щелкнула кота по носу, и себе запретила думать о каше. Не каша нас сейчас интересовала.

– Какие гости! – произнесла Кивуня, вороша палкой костерок. – Правильно бабушка говорила, что вы сами нас найдёте.

– Так чего тогда ждёшь? – сказала я хмуро. – Зови бабушку. Поговорить надо.

Я не поздоровалась и не пожелала добра чужому очагу. Но ведь и Кивуня не сказала ничего подобного. И после моих слов даже с места не двинулась.

– А ты, хитрая, – она окинула меня цепких, неприязненным взглядом. – Вчера – старуха, сегодня – парнишка. Какое же твоё истинное лицо?

Вместо ответа я сняла шапку и встряхнула головой, давая волосам волю. Коса скользнула по спине, я перебрала косу на грудь и посмотрела на Кивуню, приподняв брови: довольна, мол?

Пару мгновений гадалка буравила меня ещё более неприязненным взглядом, а потом я повторила:

– Насмотрелась? Бабулю зови.

Драгомир кашлянул в кулак, но мы с Кивуней на него и не взглянули.

– Какая быстрая, – процедила она сквозь зубы, продолжая меня разглядывать. – А с чего ты взяла, что бабушка будет с тобой разговаривать?

– Так вы же нас ждали, – напомнила я и не удержалась, съязвила: – Предвидели.

– Предвидели, – усмехнулась Кивуня и снова занялась костром и кашей, поворошила дрова, помешала длинной деревянной ложкой в котелке. – Только с чего ты решила, что ждали?

Драгомир снова кашлянул, а Одихунтьевич заворчал у меня на руках:

– Ты не напирай, не напирай... Помягче и поласковее. Что ты... как медведь в малинике?

– Заткнись, – коротко сказал я, и Драгомир с Кивуней посмотрели на меня с одинаковым удивлением.

– Не вам, – тут же пояснила я.

– Ой, ду-у-ура... – вздохнул кот. – Кашей точно не накормят...

– То есть тебе, конечно же, – снова исправилась я, начиная злиться, – тебе, гадалка недоученная! Бабку зови! Проиграли мне в споре вчистую, ещё и важничаете!

– Полегче, – вполголоса произнёс Драгомир и решил, что пора вмешаться.

Выступил вперёд и доброжелательно сказал:

– Здравствуйте, люди добрые. Не с ссоры будем начинать встречу. Мы пришли с миром, просто поговорить. Будь добра, красавица, – обратился он к Кивуне, – позови свою мудрую бабушку. Есть у нас к ней важное дело.

– Ещё в ножки ей поклонись, – зло посоветовала я.

И что бы вы думали? Этот болван взял и поклонился Кивуне. Аж земли рукой достал, расстарался. Будто перед ним царица была, а не зачуханка немытая.

Я еле сдержалась, чтобы его не пнуть.

– Как старается-то богатырь, – подмякнул маслица в огонь Одихунтьевич. – Тебе, Ягища, при встрече так не кланялся. Спинку гнуть не стал.

– Заткнись! – снова велела я.

Кивуня взглянула на меня с усмешкой, Драгомир оглянулся через плечо.

– Тебе говорю, тебе, – сказала я ему, а потом добавила с угрозой, обращаясь уже к гадалке: – Если бабку не позовёшь...

– Кто тут с утра шумит? – разноцветная занавеска на кибитке отодвинулась в сторону и показалось морщинистое лицо Вамматар.

В седых косах блеснули подвески из монет, бабка была довольна, и, судя по всему, весь наш разговор слышала. Она ловко прыгнула в траву и потянулась, зевая напоказ.

– Как ты и говорила, бабушка, – усмехнулась Кивуня, – пришли. Почти прибежали. Вон, портки даже обмочили, так торопились.

– Заткнись, – сказала я в третий раз и уже тому, кому это надо было сказать, повернулась к бабке Вамматар и сказала без лишних поклонов и вежливых словес: – Там, на ярмарке, ты меня разгадала. Назвала оборотницей и говорила про Агриков меч. Расскажи, что о нём знаешь, и ещё расскажи, что за поцелуй-травы такая? Я – травница, мне все травы ведомы, а про поцелуй-травы слышу впервые.

– Вот нахалка! – старательно ахнула Кивуня и расхохоталась. – Гони её, бабушка! В три шеи гони.

– Медведь в малиннике... – забурчал Одихунтьевич, но я попросту бросила его в траву, чтобы не мешал.

– Ой, ду-у-ура... – затащил он привычно и предпочёл спрятаться за Драгомира.

А мы со старухой играли в переглядки. Ни одна не моргнула, ни одна не отвела взгляд. Остальные притихли, и мне показалось, даже ветер перестал гулять, шевеля травы и кроны деревьев.

– Знать, прижало? – произнесла, наконец, старуха, первой отводя глаза.

– Скажи, что тебе ведомо, – сказала я веско. – В долгу не останусь.

– Конечно, не останешься, – она захихикала, потирая руки. – Я за свои знания дорого возьму.

– А богатство бездарно спустили... – проскулил Одихунтьевич.

– Что просишь? – спросила я громко и резко. – Денег у меня пока нет, но обещаю, что раздобуду.

– Кому нужны твои деньги? – Вамматар села рядом с внучкой, поджав ноги, взяла ложку и помешала в котелке, приняхиваясь. – Каша сварилась. Садитесь, поешьте. А потом уже об оплате поговорим.

Глава 5

Кашу мы уплетали за обе щеки. Я, Драгомир и Одихунтьевич сидели рядком у костерка и мало что замечали вокруг. Мы с Драгомиром орудовали одной ложкой из одной миски по очереди, а коту я положила кашки и шкварок на листок лопуха.

По ту сторону сидели Вамматар с Кивуней, а чуть позже пришли ещё две женщины – помладше бабки, постарше внучки. Вслед за женщинами из кибитки выскочили трое ребятишек – двое мальчишек и одна девчонка. Все босые, чернявые, с любопытными насмешливыми глазами, тёмными, как угольки.

Все получили по чашке с кашей, вопросов не задавали, а уплетали так же, как и мы, закусывая пресным хлебом и луговыми сладкими луковицами.

Ещё позже появились двое чернобородых мужиков. Сухопарых, смуглых, тоже черноглазых. Они привели в поводу двух рассёдланных лошадей. Судя по лоснящейся шкуре, лошадей только что выкупали, вычесали хвосты и на славу отдраили скребницей.

При появлении мужиков Одихунтьевич забеспокоился, постукивая хвостом по бокам, и Драгомир тоже повёл глазами, явно соображая, сколько ещё тут бродит народу.

– Не бойся, – успокоила я его, выскребая остатки каши из миски. – Сам же говорил, что если животные любят, то человек хороший. Посмотри, как лошади к ним ластятся.

– Прямо успокоила, – фыркнул Одихунтьевич, закончив есть и облизывая усы.

Судя по выражению лица, Драгомир был полностью с ним согласен, хотя вряд ли что понял из кошачьего мяуканья.

Мы поели, и теперь можно было браться за дело.

Вамматар достала кисет и короткую кривую трубку, и закурила, пуская клубы душистого дыма. Она смотрела на нас с Драгомиром прищурившись, задумчиво, и я, немного выждав, заговорила первой.

– Что хочешь за помощь? – спросила я, глядя на старуху точно так же с прищуром.

Сейчас как скажет поймать ветра в поле...

– Кивуня вчера по лугу гуляла... – старуха вытащила трубку изо рта и начала выколачивать чубук.

– Цветочки в подол собирала, наверное? – не удержалась я от колкости.

– Подзаткнулась бы ты, – проворчал Одихунтьевич.

Драгомир промолчал, и на том спасибо.

– Цветочки собирала, – согласилась Вамматар. – И оборвала нитку с бусами. Сейчас солнце к полудню, – она быстро взглянула на небо. – К вечерней зорьке собери все оброненные бусы и принеси мне. Все соберёшь – твой счастье. Хоть одной бусинки не досчитаюсь – пойдёте дальше, путь чист, не заблудитесь.

– На лугу потеряла? – уточнил Драгомир сурово.

– На лугу, – подтвердила бабка, а Кивуня хихикнула, блеснув белыми зубами и поигрывая монетками в косе.

– На этом? – продолжал допрашивать Драгомир.

– На этом, – снова кивнула старуха.

– В каком месте? – задал княжич третий вопрос.

Тут бабка и внучка заржали почище своих кобыл.

– Да о чём же ты спрашиваешь, добрый молодец, – с нарочитым вздохом покачала головой Вамматар. – Какая же девица помнит, где она накануне гуляла? Венок, вон, и тот посох. А цветочки не расскажут, где их сорвали. Знал бы, где бусы просыпала, так сама бы их собрала.

– Мерзавка, – мяукнул Одихунтьевич с осуждением.

– Бабуля, – Драгомир на кота даже не посмотрел, но запел с ним одну песню: – Как на лугу бусы собрать, если ты даже не говоришь, где их просыпала? Кому это под силу? Муравьям если только? Так мы не муравьи. Мы люди. Я тебе любую службу сослужу, если поможешь. Только звёзд с неба не проси.

– Не можешь выполнить – путь чист, ступай себе, – отозвалась старуха, а Кивуня опять залилась молодым, наглым хохотом.

Издевались они над нами. Но хоть кашей накормили. Не совсем бесовские.

– Мерзавка, – повторил Одихунтьевич с удовольствием. – Давай, отвечай ей.

Это относилось уже ко мне, и я с таким же удовольствием, как и мой кот, сказала:

– Нитку-то сохранила? А то принесу тебе все бусы, а ты будешь врать, что одной бусинки не хватает.

– Ай, какая бесстыжая! – поцокала языком старуха. – Обманщица, так по себе судишь?

– Нитку покажи, – повторила я.

– Кивуня, принеси нитку, – велела старуха, и внучка подорвалась резвенько – только подвески в косах звякнули.

Она сбегала в повозку и принесла длинную – больше трёх локтей вощёную нитку. На ней сиротливо скользили две голубые бирюзовые бусины.

Я деловито замерила нитку, кивнула и поднялась с травы, отряхивая мужские штаны и пряча косу под шапку.

– Пошли, – позвала я княжича и кота. – Сейчас искать будем, где эта кобылка вчера подковы теряла.

Под хихиканье ребятишек и женщин, мы пошли по лугу, прочь от повозки. Драгомир глядел под ноги – будто, и правда, собирался искать бусы. Одихунтьевич рысил рядом, бодро задрав хвост.

Когда мы отошли довольно далеко, Драгомир не утерпел и спросил:

– Ты думаешь, тут можно что-то найти? В такой траве?

– Нам – нет, – хмыкнула я и похлопала его по плечу. – Но ты не переживай. Найдётся, кому бусы поискать.

– И кто искать будет? – оторопело спросил он и посмотрел на кота.

Одихунтьевич заржал ещё почище гадалок.

– Не он, – сказала я Драгомиру, таинственно понизив голос. – И даже не муравьи. Муравьи – они маленькие, пока весь луг обегут – зима настанет. Мы мышей позовём.

– Мы-шей? – переспросил драгомир и вытаращился на меня.

Даже рот приоткрыл.

– Ты забыл, что я – Яга-Ягица из заповедных лесов? – хихикнула я, до того забавно он выглядел. – Я медведем крутила, а уж с мышами и давно договорюсь.

Весь день мы валяли дурака, разрешив себе отдых после стольких волнений и после пути на своих двоих. В случае с Одихунтьевичем, конечно, речь шла о путешествии на своих четырёх, но кот предпочитал ездить на Драгомире или мне, так что его четыре лапы совсем не перетрудились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.